

© 1994 г. ПИЛЬХ Г.

ЯЗЫК ИЛИ ЯЗЫКИ? ПРЕДМЕТ ИЗУЧЕНИЯ ЛИНГВИСТА

«Связь отдельных языков с понятием языка вообще до тех пор нельзя исчерпывающим образом определить, пока мы будем оперировать лишь "общими положениями": хорошо известно, что "общие положения" могут легко завести в тупик»^{*}.

1. АДЕКВАТНОСТЬ

1.1. Язык – абстрактное существительное ед. числа, счетное существительное мн. числа

«Все лингвисты говорят – иногда не проводя достаточных различий – о "языке" как роде и о конкретных языках как представителях этого рода ... Я предлагаю проводить жесткое разграничение между двумя следующими типами утверждений:

- а) утверждениями о роде "язык", которые относятся к лингвистическо й т е о р и и, т.е. теоретическими утверждениями;
- б) утверждениями о конкретном языке, которые относятся к лингвистическом у о п и с а н и ю, т.е. дескриптивными утверждениями.

В случае дескриптивных утверждений нужно ожидать – и, действительно, согласно Попперу ... это все, чего можно ожидать, – что явления, к которым применимо данное описание, не обнаружат особенностей, прямо противоречащих тому, что о них говорится. Другими словами, дескриптивное утверждение, для того чтобы его можно было считать приемлемым на достаточно разумных основаниях, должно являться н е о п р о в е р г н у т о й – хотя в принципе опровергаемой – гипотезой. Процесс опровержения, которому потенциально должны подвергаться все дескриптивные гипотезы, является сопоставлением утверждения, относящегося к определенным явлениям, с проявлениями этих феноменов.

Теоретические утверждения, относящиеся к роду "язык", должны оцениваться в другом аспекте. В той мере, в которой они вообще могут быть приложимы к чему-то конкретному, они приложимы только к лингвистическому описанию. И только косвенно, ч е р е з посредство дескриптивных утверждений, теоретические положения имеют отношение к явлениям вообще. В этом, по-моему, смысл заявления Ельмслева о том, что лингвистическая теория "не содержит постулата о существовании"¹ [2, с. 30–31]¹.

Основной темой конференции, состоявшейся в Киле в 1991 г. и посвященной 25-й годовщине Европейского лингвистического общества, было: "Язык и языки". Тема предполагала вопрос " ЧТО собственно является предметом лингвистики? Является ли

^{*} См. [1].

¹ Мульдер ссылается на следующее положение: "Теория сама по себе не содержит постулата о существовании" [3, с. 14].

им язык (абстрактное существительное)? Или это – языки (счетное существительное мн. числа)? Или одновременно и то и другое? Мы отвечаем: "Это языки (счетное существительное мн. числа, а не язык (абстрактное существительное ед. числа)". Этот прямолинейный ответ без сомнения во многом является спорным. Поэтому мы широко обсуждаем данный ответ ("языки, а не язык") в настоящем исследовании. Действительно, общепринятый комплексный ответ – "и языки, и язык" – вовлекает общую лингвистику в лабиринт противоречий и псевдопроблем. Мы ставим эти проблемы от конференции к конференции, от конгресса к конгрессу. Поскольку речь идет об ошибочных проблемах, мы, естественно, никогда не можем их решить. Ниже мы попытаемся распутать некоторые из этих противоречий и псевдопроблем.

Еще дальше от истины прямо противоположный ответ: "Не языки, а язык". Он вовлекает лингвистику в тот же род спекуляций о "языке вообще", что и немецкая "Sprachphilosophie", занимавшая вплоть до нашего столетия, например, рассуждением о графической репрезентации (чего?), но не уделявшая внимания экзистенциальному постулату (как это делает Мульдер, вслед за Ельмслевом, в своей приведенной выше цитате). Этот вариант общей лингвистики выдвигает положения, которые, может быть, и верны по отношению к "языку" вообще, но не верны применительно к конкретному языку (см. ниже разд. 7.3).

В настоящее время более неясным из двух понятий является, разумеется, язык (абстрактное существительное ед. числа). Поскольку он не представляет собственно предмет изучения лингвиста, сущность его ПТ всегда была неясна: "Взятый как целое, язык многоморфен и гетероклитичен; опираясь на разные области, одновременно на физическую, физиологическую и психическую, он принадлежит также областям индивидуального и социального. Его не удастся расклассифицировать ни в одну категорию человеческой деятельности, так как непонятно, как разделить его единство" [4, с. 25].

Даже аналогия между зоологическим родом и видом (которую Мульдер привлекает в своей приведенной выше цитате), как нам кажется, не вносит необходимой ясности. В каком смысле мог бы, скажем, русский язык быть видом? Включает ли он в себя индивидуальные особи в том же смысле, как вид волка состоит из отдельных волков? Являются ли членами вида, скажем, различные "идиолекты", на которых говорят отдельные члены русского языкового общества? Если так, то мы сразу сталкиваемся с первым противоречием: язык как средство коммуникации должен использоваться более чем одним говорящим. Он не может быть "идиолектом" (см. ниже разд. 7.1). И принадлежит ли русский язык к роду "язык" (или к роду "славянские языки") так же, как волк принадлежит к роду собачьих? Все это представляется неверным даже на первый взгляд.

Эмпирически мы признаем по крайней мере три различных значения, в которых термин "язык" (счетное существительное ед. числа) в настоящее время используется в техническом смысле:

(i) "человеческая способность усваивать языки", т.е. специфическая способность, которой человек как вид отличается от других зоологических видов, таких, как кошачьи или собачьи.

(ii) "особый тип дискурса", как, например, в языке хвастовства.

(iii) "категории лингвистики", представленные, например, в языковых университетах. Понятие "язык как род" равносительно "категориям лингвистики" (как предлагает Мульдер; мы намереваемся тщательно обсудить этот вопрос ниже в разд. 7.1).

Язык в значении (i), естественно, область зоологии и/или психологии, в значении (ii), по нашему мнению, – область дискурсивного анализа (см. ниже разд. 6.1), в значении (iii) – область эпистемологии (см. ниже разд. 7.1). Объектами рассмотрения лингвиста остаются языки (счетное существительное мн. числа). Как индивид лингвист, конечно, волен заниматься чем угодно наряду с изучением языков. Он, конечно, может вторгаться в область психологии, зоологии и любой другой науки.

Что действительно вредно – это неразборчивый перенос проблем и допущений из одной области науки в другую. Фактически те или иные допущения в различных науках – неравнозначны. Поэтому, когда их смешивают, это приводит к частичным или даже полным противоречиям.

Все сказанное выше имело лишь одну цель – убедить читателя, что мы не намерены предписывать ему, говоря, что он должен использовать слово *язык* только в смысле "изучение языков, а не языка". Мы стараемся не предписывать, а быть адекватными. Если мы будем разграничивать указанные два понятия (а именно это мы и пытаемся показать), то можно будет решить ряд проблем, которые в противном случае представляются неразрешимыми.

1.2. Лингвистика как наука

Как любой другой тезис, наш постулат ("собственным объектом лингвистики являются языки, а не язык") зависит от определенных предварительных допущений. Одно из них: "Лингвистика должна быть постижимой (intelligible) областью изучения" (используя термин Арнольда Тойнби) или, как мы определяем более формально, самодостаточной ("автономной", см. ниже разд. 5.2) ДИСЦИПЛИНОЙ. Другими словами, слово *лингвистика* должно иметь допускающий точное определение-денотат, отличный от денотата, построенного на основе порочного круга: "то, что профессионально изучает человек, называющий себя лингвистом". Последнее обозначаемое было бы, естественно, просто какой-то смесью, так как каждый из нас профессионально занимается другими видами деятельности помимо лингвистики (например, выполняет административные обязанности). Равно бесполезно определять денотат как "то, чем занимается человек, профессионально связанный с языком (в широком размытом смысле)". Под последнее определение попадают актеры, юристы, литературоведы, переводчики (если называть только немногих) как люди, практически занимающиеся языком.

Наше второе предварительное допущение состоит в том, что лингвистика должна быть "научной". Мы считаем, что это несколько большее, чем просто планомерный сбор и математическая обработка "языковых данных" – например, сбор русских слов и распределение их по спискам в алфавитном или обратном порядке. Или тестирование русских, больных афазией, с целью установить, сколько из них улавливают разницу между *резать хлеб ножом* или *резать нож хлебом*. Такой "научный" сбор данных хорош для определенных целей. Тем не менее этого недостаточно, чтобы признать его лингвистическим. Фактически каждый уважаемый продавец книг делает то же самое. Он собирает книги (содержащие *язык* в значении "дискурс"). Это заставляет его заниматься счетоводством (т.е. одним из видов математических операций). Может ли он на этом основании считаться лингвистом?

1.3. Методы лингвистики

Является ли сбор данных на основе опроса и подсчета результатов методом сбора данных, характерным именно для лингвистики? Например, опрос американских студентов на предмет выбора форм *tangibleness* или *tangibility* как абстрактных существительных?² Покойный Г. Унгехойер однажды отметил, что "методы зависят от постановки проблем (Problemstellung), для решения которых они должны быть применены: проблемы требуют соответствующих им методов" [5, с. 8].

Поскольку предметом нашей постановки вопроса являются языки, на которых реально говорят, наиболее адекватным методом сбора данных будет, конечно, не опрос говорящих, а наблюдения за текущей, спонтанной речью. Лингвист-исследователь будет иногда спрашивать говорящих, слушая их, но он должен оценивать их

² Сообщение Ф. Аншена (Стонибрук, Нью-Йорк) на Международной конференции по исторической семантике и историческому словообразованию, состоявшейся в Елаево в марте 1984 г. Работа не опубликована.

ответы критически: действительно ли говорящий говорит так, как он об этом рассказывает? Например, различают ли носители русского языка в своей обычной спонтанной речи энклитические /i a u/ (скажем, в окончаниях слов *кассы, касса, кассу*) так, как они сами в этом убеждены? Верификация-фальсификация может обнаружиться лишь при дальнейшем прослушивании. Опрос, тестирование, подсчет могут быть не более чем подготовкой к "конечной" верификации, – которая никогда не конечна в строгом смысле, так как всегда оставляет возможность для дальнейшей верификации путем дальнейшего прослушивания. Лингвистические данные в этом смысле бесконечны (см. ниже разд. 6.2).

Является ли обработка данных методом статистического анализа собственно методом лингвистики? В лучшем случае маргинальным. То, чем лингвист должен заниматься в первую очередь, – это индуктивное обобщение данных. Какого рода индуктивное обобщение? Индуктивное обобщение необходимо в терминах категорий, которые мы выбираем. Г. Унгехойер обычно говорил о *Leitgedanke* ("направляющей идее") в этом контексте³. Например, мы можем обобщать данные, предпочитая носителя языка, обладающего определенным образованием и принадлежащего к тому или иному социальному классу. Это *Leitgedanke* с точки зрения социолингвистики (см. ниже разд. 8.1). Тогда мы обнаружим, что очень мало американских студентов используют "абстрактный язык" и в частности такие слова, как *tangibleness* или *tangibility*, пока они не побывают на уроках английского языка и не научатся обращаться с этими абстрактными словами. Мы можем обобщить даже дальше, утверждая (правильно или ошибочно), что обращение с "абстрактным языком" – дело обучения в любой речевой общности. Это утверждение касается не одного или нескольких языков (и не рода "язык"), а языка в смысле (ii) "дискурс" (независимо от конкретного языка, в котором реализуется дискурс; см. ниже разд. 6.2).

Можно также обобщать данные в терминах английского языка (счетное существительное ед. числа). Это и есть *Leitgedanke* собственно лингвистики. Тогда мы заключим (слушая английский дискурс или читая письменные тексты), что и *tangibility* и *tangibleness* – английские слова, и они являются дериватами в двух различных открытых парадигмах, образованных от прилагательных; при этом первая парадигма в основном ограничена словами, содержащими латинские корни, например:

<i>fertile</i>	:	<i>fertility</i>	<i>kind</i>	:	<i>kindness</i>
<i>probable</i>	:	<i>probability</i>	<i>friendly</i>	:	<i>friendliness</i>
<i>credible</i>	:	<i>credibility</i>	<i>convex</i>	:	<i>convexness</i>
<i>actual</i>	:	<i>actuality</i>	<i>useful</i>	:	<i>usefulness</i>
<i>singular</i>	:	<i>singularity</i>	<i>arbitrary</i>	:	<i>arbitrariness</i>

С другой стороны, используя социолингвистическую индукцию в терминах предпочтения говорящего, мы должны допустить, что *tangibility* и *tangibleness* – в первую очередь английские слова. Правда, их существование в английском языке в этом случае не является частью нашей проблемной области (см. ниже разд. 5.2), а принимается как не требующее доказательств. В противном случае социолингвистическое исследование было бы беспочвенным. Следует ли нам после этого заключить из наших текстов, что *tangibility* или *tangibleness* "не являются английскими словами" (или что ни одно из них не является английским)? Такое заключение противоречит нашему прежнему допущению. Другими словами, мы сталкиваемся с нашим вторым противоречием.

Указанные противоречия нежелательны не только в эпистемологической башне из слоновой кости, но и весьма вредны для нашей повседневной деятельности. Например, часто спорят, принадлежит ли то или иное слово (скажем, англ. *tangibility*) словарю, если его использует лишь незначительное меньшинство говорящих? Но

³ Устное сообщение. В своих работах он говорит о *Problemstellung* (см. ниже разд. 6.1).

может ли лексикограф хотя бы надеяться составить полный словарь английского (или любого другого языка) на основе таких предпосылок? Фактически в этом случае он разрушал бы самый объект исследования. Какой бы словарь он ни составлял, это не может в точности быть тот словарь, который знают "говорящие по-английски" (или на любом из его подязыков), так как ни один из говорящих не знает английский словарь целиком, но очень многие говорящие знают не только английский словарь, но и, например, случайное испанское слово; к тому же говорящие постоянно узнают новые слова, забывая старые. Следовательно, "словарь английского языка", на составление которого "нацелен" лексикограф, является абстракцией, предполагающей, что "английский язык" (счетное существительное ед. числа) отличен от других языков. Понятие эмпирически мотивировано тем, что знают говорящие, но из этого не следует возможность его определения на указанной основе (см. ниже разд. 3.4).

2. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ФАКТЫ

2.1. Лингвистическая точка зрения

"Языковые факты, которые мы собираем, превращаются в "лингвистические факты", – не в результате математической обработки, а на основе выбора *Leitgedanke*, т.е. правильных категорий индукции. Мы утверждаем, что они являются "лингвистическими фактами", если (и только если) решающей категорией выступают языки (счетное существительное мн. числа). В случае *tangibility – tangibleness* – это английский язык (как отличный от всех других языков). Следовательно, "языковые данные" являются или лингвистическими, или нелингвистическими в зависимости от точки зрения, с которой они рассматриваются (т.е. используемых категорий индукции).

К счастью, любой из нас волен рассматривать данные сначала с одной точки зрения, потом с другой. Если, однако, мы используем несколько способов индукции одновременно, то мы фактически сами топим собственную лодку. Широко рекламируемая "свобода рассмотрения объекта" в этом случае – недостаток, а не достоинство. Позволим себе рассмотреть еще два практических примера того, как "языковые данные" анализируются с различных точек зрения.

2.2. Русское слово *читабельный*

Много лет назад в Москве я услышал русское слово *читабельный*. Одни носители языка относятся к нему с одобрением, другие – с неприятием. Используемые здесь категории индукции – "хороший русский" и "плохой русский". Социолингвисты интересуются классом людей, которые знают и используют это слово. Их категории индукции – образование, социальный класс и престижность.

Что я как рядовой лингвист подумал об этом слове? Сначала я на основе индуктивных заключений, базирующихся на понятиях "слово" и "русский язык", решил, что это русское слово. Такой способ решения обычно (но не всегда) легок. Например, слушая в автобусах Москвы речь москвичей, я должен выделить (а это легко) всех тех, кто говорит на языке, отличном от русского. Конечно, возникает проблема с теми, кто произносит фрикативное /ʃ/ вместо смычного /g/, как в слове *город*. Должен ли я считать их москвичами? Или сказать, что они с юга? Или допустить, что это москвичи, заимствовавшие произношение из южных диалектов? Что бы я ни решил, я не могу возложить решение на кого-то другого (например, на опрашиваемых говорящих).

Затем я нашел морфологическую парадигму, к которой могло бы быть отнесено слово *читабельный*. Я остановился, допустим, на следующих словах как возможных членах этой парадигмы:

фешенебельный
дирижабельный
презентабельный

Обобщая список этих слов на базе стандартного понятия морфологической парадигмы [6, с. 407–433] (в данном примере в терминах основы и аффикса), я столкнулся с некоторыми аномалиями:

(i) Предполагая суффикс *-абельный*, я столкнулся с измененными формами: *-ебельный* в *фешенебельный*, *-бельный* в *читабельный*.

(ii) Ни один из предполагаемых суффиксальных дериватов не соотносится непосредственно с русской основой, за исключением *читабельный*: *чита-*. Многие из них, однако, соотносятся с основой французских глаголов, например, русск. *дирижабельный*: франц. *dirig-*.

(iii) Может быть, дериваты парадигмы были заимствованы из французского целиком? Это утверждение верно для большинства из них, однако *дирижабельный* (ср. франц. *dirigible*) и *фешенебельный* составляют исключение.

Эти аномалии требуют индукции в терминах ПРОТОТИПИЧЕСКОЙ модели морфологии. Известный пример – английская парадигма *sputnik*. Она включает:

(i) прототипическое слово (нем. *Urwort*), в данном случае английское слово *sputnik*, заимствованное из русского в 1957 г., когда был запущен первый спутник. Прототип *sputnik*, естественно, не принадлежит морфологической парадигме английского;

(ii) игру слов на основе прототипического слова – замену оболочки некоего слова фонемным фрагментом прототипа. Результатом явилось английское слово *beatnik*;

(iii) игра слов повторялась бесконечно, используя другие фонемные оболочки для замещения:

<i>beat</i>	:	<i>beat-nik</i>	
<i>peace</i>	:	<i>peace-nik</i>	"участник мирных демонстраций"
<i>refuse</i>	:	<i>refuse : nik</i>	"отказник, советский еврей, которому отказано в выездной визе"
<i>M.I.T.</i>	:	<i>M.I.T.-nik</i>	"лингвист школы МИТ (Массачусетский институт технологий)"
<i>straight</i>	:	<i>straight-nik</i>	"гетеросексуалист" (сленг гомосексуалистов)
<i>nude</i>	:	<i>nude-nik</i>	"тот, кто демонстрирует свою наготу по идеологическим убеждениям"
<i>all right</i>	:	<i>allright-nik</i>	"человек, принятый в обществе" ⁴ .

Все дериваты парадигмы – агентивные существительные, несущие слегка отрицательную коннотацию.

(iv) Парадигма является открытой, т.е. ее члены не могут быть перечислены исчерпывающе. Используя синонимию, мы говорим, что парадигма ПРОДУКТИВНА. Заметьте, что исходное слово (*Urwort*) *sputnik* не является членом парадигмы. В английском это одна морфема, а не полиморфемное слово, как его русский этимон *с-пут-ник*. Это слово не является агентивным существительным в английском языке и не несет негативную коннотацию.

Применяя эту модель к русской парадигме *читабельный*, мы выбираем:

(i) *фешенебельный* как прототип;

(ii) на основе игры слов мы производим *чита-бельный*;

(iii) игра слов повторяется неограниченно, сперва с использованием французских глаголов, имеющих производные прилагательные на *-able*, затем распространяясь на любой французский глагол и, маргинально, на глаголы родного языка. Последнее обобщение заставляет нас переразложить *чита-бельный* как *чит-абельный*.

Использование (исключительное или предпочтительное) заимствованных основ в морфологической парадигме было определено Марчандом [7, с.7] как "словообразование на иностранном базисе словопроизводства". В его терминах, русская

⁴ Как сообщил мне А. Дэвис (Ст. Луи, Иллисори), это слово встречается в книге К.Э. Портер "Корабль дураков" (K.A. Porter, *The ship of fools*).

парадигма *-абельный* основана на "французском базисе словопроизводства". английская парадигма *-ility*, приведенная выше, – на "латинском базисе словопроизводства".

Морфологический анализ, который мы предложили для слова *читабельный*, может быть хорошим или плохим. Основное здесь то, что тип анализа, конституирующий лингвистику, отличен от других областей изучения, таких, как социология или психология. Другими словами, именно категории "русский язык" и "открытая морфологическая парадигма" превращают слово *читабельный* в лингвистический (скорее, чем в социологический) факт. Социолингвистические детали⁵ могут быть добавлены к лингвистическому анализу, но не могут заменить его. В принципе, составление лингвистических парадигм – основная задача лингвистического анализа.

Намного проще (но в равной мере важна) аналитическая работа: распределение лингвистического материала по уже известным парадигмам. Например, является ли русск. *отходить* в *поезд* *отходит* глаголом совершенного или несовершенного вида? Мы рискуем предположить, что это глагол совершенного вида, соответствующий глаголу несовершенного вида *отхаживать*, а не имперфективное соответствие глагола *отойти*. Подобным же образом мы используем анализ Брызгуновой русской интонации ниже в разд. 6.6.

Еще более обыденная работа – ПРЕЗЕНТАЦИЯ лингвистического анализа читателю. Это, строго говоря, не лингвистическая, а дидактическая работа. Называть ли лингвистические единицы "темой", "ремой" или "топиком", "комментом"; а может быть, "подлежащим", "сказуемым" или "именной группой", "глагольной группой"? Следует ли использовать диаграммы в виде деревьев? Или сложные скобки? Или какой-то другой тип графов? Должны ли мы представлять дифтонги и аффрикаты как "одну или две фонемы"? Все это – вопрос стиля, а не анализа. Например, мы часто представляем фонемный инвентарь в терминах минимальных пар и различительных признаков. Эта презентация – лишь для удобства читателя. Она, естественно, не отражает аналитическую процедуру.

2.3. [ʔа] фониатриста

Читатель, который подвергался исследованию стробоскопом у отоларинголога, вспомнит, как его на определенном этапе анализа просили произнести [ʔа]. Было ли то, что он тогда произносил, русским гласным? Было ли это аллофоном какого-либо языка? Врача это заботит меньше всего, да и почему это должно его заботить? Его цель не собирать лингвистические факты, а лечить пациента, и он выбирает категории индукции, подходящие для этой цели. Одна из них "язык" (абстрактное существительное ед. числа в значении (i), а именно: «способность пациента произносить "звуки", используя свой ларинкс как источник (который он возбуждает посредством дыхательного горла, расположенного ниже ларинкса), а остальную часть своего голосового тракта выше ларинкса как фильтр» (см. ниже разд. 4.3).

Как лингвист я не склонен рассматривать такого рода данные. Другими словами, я отказываюсь принять [ʔа] фониатриста как лингвистический факт. У меня нет адекватного способа индукции для него, т.е. такого, который мог бы способствовать установлению лингвистической парадигмы. Проще говоря, лингвистический вопрос: "Какой коммутационный класс какого языка?" – в данном случае бессмыслен (не приложим). Разница между отоларингологом и лингвистом именно в "диагностических" категориях, которые каждый из них выбирает для целей индуктивного обобщения.

⁵ По моему впечатлению (верному или ошибочному), эта парадигма принадлежит к сленгу преподавателей и студентов университетов (вузов).

3. ЭМПИРИЧЕСКАЯ АДЕКВАТНОСТЬ

3.1. Точка зрения наблюдателя

Обобщая три наших примера (*tangibleness* – *tangibility*, *читабельный*, стробоскопическое [ʔа]) в терминах эпистемологии (не лингвистики), мы задаем вопрос, можно ли считать, что "языковые факты" – это нечто первичное, которое лингвист затем подвергает проверке и обработке? Можем ли мы даже опознать "факты" иначе, чем в терминах выбранных нами *Leitgedanken*? Лингвист выбирает языки (счетное существительное мн. числа), другие исследователи выбирают язык (абстрактное существительное ед. числа) или что-то еще. В этом смысле наблюдатель "создает факты" посредством своего выбора или, как формулирует это К. Пайк⁶, существует "совпадение между вещью и наблюдателем".

Отсюда следует, что "языковые факты" в лингвистическом смысле (т.е. факты одного или нескольких языков) и "лингвистические факты" (т.е. факты, установленные лингвистическим анализом) – это один и тот же набор фактов, так как и те и другие создаются исследователем, который выбирает языки (счетное существительное мн. числа) в качестве основной категории индукции. Например, "грамматика русского языка" как объект лингвистического исследования и "грамматика русского языка" как результат того же исследования – это одна и та же грамматика (плохая или хорошая), потому что нет другой "грамматики русского языка", кроме той, которая анализируется лингвистом. Другими словами, лингвистические категории при всей своей условности являются необходимым (хотя недостаточным) условием лингвистической реальности.

3.2. Злой дух

Естественно, "факты" существуют сами по себе отдельно от исследователя. Без сомнения, люди говорят даже тогда, когда их не слышит ни один лингвист. Будем же опасаться *genius malignus* Декарта, который вызывает в нашем воображении выдуманные "факты": "Итак, я полагаю, что не превосходнейший Бог – источник истины, но некий злой дух, [который] все свое старание прикладывает к тому, чтобы меня обмануть" [8, с. 22].

Мы даже сами можем выступать в роли *genius malignus*, создавая ложные факты. В то же время остается истинным положение, что если мы не используем индукцию, то мы воспринимает не факты, но беспорядочные, разрозненные впечатления – тип текущих восприятий, культивируемых "импрессионистической" поэзией. Категории индукции, которые мы выбираем, обусловлены нашим наблюдением и той целью, которую мы преследуем (например, медицинский или лингвистический "диагноз"). Это является их эмпирической МОТИВАЦИЕЙ. В конечном итоге это позволит нам сформулировать (верифицируемые⁷) гипотезы. Это перекрестная проверка их эмпирической АДЕКВАТНОСТИ, и таким образом мы можем перехитрить злого духа. Например, мы устанавливаем, гипотетически, морфологические парадигмы русского (представленные *читабельный*) и английского (представленные *tangible* : *tangibility*) языков. С другой стороны, если используемые нами категории индукции создают неразрешимые проблемы, они оставляют все возможности рассматривать их как артефакты, предложенные *genius malignus*. Например, сколько американских студентов должны знать (или, скажем, использовать) слово *tangibility*, чтобы оно воспринималось как "английское" или "неанглийское"? Ответ может быть лишь чисто произвольным (т.е. без эмпирической мотивации).

⁶ В своем обращении к встрече Европейского лингвистического общества в Киле 16 июля 1991 г.

⁷ Это включает для наших целей и "фальсифицируемые" гипотезы. Мы не хотим по этому поводу быть вовлечены в споры об эпистемологическом позитивизме vs. негативизме (ср. цитату из Мульдера в нашем вступлении). Слово *верифицируемые* мы поместили в скобки, поскольку само понятие гипотезы в нашем использовании предполагает верифицируемость-фальсифицируемость. В этом ее отличие от спекуляции.

Итак, мы сами выбираем категории и сами (если только, повинаясь злему духу, мы не верим догматически в однажды выбранную модель) пересматриваем их. Это и является их ПРОИЗВОЛЬНОСТЬЮ. В этом отношении (и только в этом отношении) исследователь "создает факты". Например, медик создает свои факты, лингвист создает свои. Эти два набора фактов представляются несоизмеримыми (не пересекающимися), поскольку они определяются противоположными категориями индукции: «Кажется само собой разумеющимся... но все же заслуживает упоминания здесь тот факт, что не удастся проследить переход предметов одной науки в предметы другой, не удастся потому, что здесь имеет место не изменение на уровне наблюдаемых предметов в рамках одного и того же научного аспекта, а изменение самих аспектов, и это изменение может быть только "внезапным"» [1, с. 2454].

Поэтому для лингвиста бессмысленно решать, является ли [ʔа] фонистрица одной фонемой или, может быть, двумя.

3.3. Объективность

Это эпистемологическое рассуждение направлено против освященной "объективности" и "междисциплинарной всеохватности" в том смысле, как их понимают сегодня многие ученые. Не являются ли "позитивные факты" чем-то первичным, что мы затем исследуем или объективно – путем наблюдения и обработки данных ("ориентация на данные"), или субъективно, – интерпретируя их в терминах выбранной нами модели ("ориентация на теорию", см. ниже разд. 8.2)? Наше рассуждение вторгается в область споров между "лингвистикой божественной истины" и "лингвистикой выдумки".

С философской точки зрения, это лишь продолжает дебаты между реалистами и номиналистами позднего средневековья. Чтобы смягчить читательское неприятие, обратимся к некоторым признанным авторитетам, которые говорили (в большей или меньшей степени) то же самое, что и мы:

"То, что все наши знания начинаются с опыта, в этом нет сомнения, но то, что все наши знания начинаются с опыта, еще не означает, что все они окончательно вырастают из этого опыта" [9, с. 27].

"... Таким образом теория языка устанавливает свой собственный объект на основе стратегии произвольного и целесообразного постулирования" [3, с. 15].

"В противоположность тому, что объект предшествует точке зрения, можно было бы сказать, что именно точка зрения создает объект" [4, с. 23].

"Не существует окончательного *communis opinio* о том, определяются ли науки через их предмет или – как показал Кант – через их МЕТОД ... Можно указать на неокантианскую традицию рубежа веков, которая, правда, оборвалась в Германии в 1933 г. Это должно было случиться, так как возрождение кантианской традиции или коперниканский поворот снова вызывали к жизни апории и антиномии античной и средневековой философии и философии Ренессанса"⁸ [1, с. 2451].

"Теория – часть наблюдателя; различные теории создают различных наблюдателей; различные наблюдатели видят различные вещи или те же вещи, но структурированные по-иному; и структура наблюдателя должна в определенном смысле или в определенной степени быть частью данных адекватной теории языка" [10, с. 3].

«Любое описание, однако, предполагает и теорию, и область явлений. Без этого ни одно описание в собственном смысле не может появиться. Поэтому спор между лингвистикой "божественной истины" и "лингвистикой выдумки" в тридцатые годы был абсолютно бессмысленным. Описание – не дело одной лишь теории (фокус-

⁸ Коперниканский поворот, на который ссылается Цвирнер, заключается в признании того, что различные области науки определяются не объектами, которые они исследуют, но точкой зрения, оказывающей влияние на любой исследуемый объект.

покус), и не одного лишь факта (божественная истина), но и того и другого одновременно» [2, с. 18].

«Итак, я полностью разделяю мнение Цвиернера, который вместе с Соссюром утверждает: "Скорее всего это та точка зрения, которая создает объект"» [5, с. 5].

Даже подавленный этим множеством авторитетов читатель все же может полагать, что вопрос о примате точки зрения – чисто философская проблема, имеющая лишь незначительное отношение к актуальной лингвистической работе. Какая разница, мог бы он возразить, что то, чем я занимаюсь, называется лингвистикой, социологией, психологией или чем-то еще? Называйте это как угодно! В конце концов, не существует двух философов (а двух лингвистов?), согласных друг с другом; так почему я (как лингвист-практик) должен заботиться о правильном разграничении научных дисциплин? Мы попытаемся убедить этого читателя, указав на некоторые вечные проблемы, о которых все мы спорим, но которые никогда не решаем, – лишь потому, что, пренебрегая эпистемологическими предпосылками, мы активно помогаем *genius malignus* направлять нас по проторенной дорожке.

3.4. Языки как постулат лингвистики

Даже сами языки, которые мы изучаем, не просто "присутствуют", но даны нашему опыту посредством их постулирования. Это необходимое (но не достаточное) условие их существования. Разве не отмечалось много раз, что те "чистые" языки, с которыми работает лингвист, не "существуют" как отдельные наблюдаемые факты? Это действительно так. Языки существуют в контакте: нет ни одного говорящего, который знает весь словарь своего родного языка (как мы видели выше в разд. 1.3), и многие говорящие знают по крайней мере некоторые слова других языков, например, русский, использующий слово *фешенебельный* (заимствованное из английского). Но английское ли это слово? Русское ли? Ответ более чем неясен, так как он с трудом уместается в созданное нами же прокрустово ложе. В любом случае языки (счетное существительное мн. числа) не даны нам как "объективные факты", на которых можно было бы проверять индуктивные определения: "Язык – это...". Они даны нам как конституирующие категории лингвистики, и проблемы адекватности возникают уже при работе с этими категориями.

Как отметил Э. Цвиернер [1, с. 2454], лингвист изучает тексты (письменные или устные), интерпретируя их как данные (одного или нескольких) языков. Литературовед изучает тексты как структурированное целое. Историк интерпретирует тексты как документальное свидетельство о прошлых событиях. Эти три специалиста, по крайней мере, иногда могут интерпретировать один и тот же текст, скажем, Библию. И то, что составляет разницу между лингвистом, литературоведом и историком, не может быть, следовательно, разницей в объектах исследования. Оно может заключаться лишь в *Leitgedanken*, которые исследователь прилагает к этим объектам.

Цвиернер полагал, что набор автономных научных дисциплин относительно мал (около дюжины) и может быть установлен на основе дедукции [11, с. 54–56]. Мы пока не касаемся этой проблемы. В конце концов даже в лингвистике (задаваемой категорией "языки" – счетным существительным мн. числа) существуют различные точки зрения. Например, мы рассматриваем набор изоглосс, известных как "Рейнская граница", как действующую на синхронном уровне, а "древненемецкое передвижение согласных" – на диахроническом. Являются ли синхронная и диахроническая лингвистики в таком случае двумя различными дисциплинами? Едва ли. Обе признают общий основной постулат о языках (в данном примере, о немецком языке), в пределах которого распространяются изоглоссы и функционируют фонетические законы.

4.1. Возрождение антиномий

Как индивид лингвист может быть многосторонним. Он может быть литературоведом и лингвистом одновременно, даже компетентным отоларингологом, или может сотрудничать с любым из них. Мы вовсе не пытаемся при этом препятствовать такой многосторонности. Риск (как мы полагаем) заключается в смешении различных точек зрения. Аристотель [1, с. 2457] определил это смешение как $\mu\epsilon\tau'\alpha\beta\alpha\sigma\iota\varsigma$. Оно оживляет "все противоречия и антиномии философии Греции, средневековья и Возрождения" (так полагал Э. Цвирнер в приведенной выше цитате).

Поскольку каждая дисциплина создает свой набор фактов, $\mu\epsilon\tau'\alpha\beta\alpha\sigma\iota\varsigma$ неизбежно вовлечет нас в частичные или полные противоречия. Например, если мы определим языки не как категории лингвистики, но как лингвистическую интуицию говорящего⁹, мы не только придем к порочному кругу в определении (используя термин "лингвистический" как определяющее свойство я з ы к о в), но и столкнемся с проблемой того, что люди узнали в школе о своем родном языке. Действительно, то, что они говорят нам, может быть мотивировано знаниями о своем родном языке. Это может быть мотивировано и любыми другими факторами. Классический пример – невероятная история о восходящей интонации вопроса и нисходящей интонации утверждения. Каждый информант (включая многих лингвистов) рассказывает нам ту же историю. Однако даже очень небольшое количество прослушанных примеров спонтанной речи (в русском, английском, немецком или французском) достаточно, чтобы опровергнуть указанное утверждение. Это (если перефразировать приведенную выше цитату из Мюльдера) – дескриптивное утверждение, которое разбивается при соприкосновении с явлениями, которые оно призвано описать.

Кроме того, существует внутренняя вариативность языков в терминах диалектов и т.д. Ни один говорящий (исключая, возможно, профессиональных диалектологов) не обладает интуицией, охватывающей "все диалекты". Наоборот, если мы серьезно будем следовать "интуиции говорящего", мы прекратим изучение социальных артефактов, например, тех унифицированных, невариативных языков, которые описывают престижные грамматики, таких, как королевский английский, литературный русский, мандаринский китайский. Хуже того, мы можем изучать то, что взрослые информанты помнят из своего школьного обучения об этих престижных артефактах.

4.2. Афазия. Разрушение языка или языков?

Антиномии – не просто абстрактные академические упражнения, они искажают нашу повседневную практику: несколько лет назад меня познакомили с пациентом, у которого диагностировали полную афазию после "объективного" исследования во франкоязычной клинике. Но один факт все же этот натиск объективного исследования не смог обнаружить: пациент превосходно говорил по-немецки...

Что было неверного в этой объективности? Афазия может рассматриваться как разрушение человеческой "языковой способности" [в смысле (i) этого слова]. Это биолого-психологическая точка зрения. С другой стороны, это может быть разрушение конкретных языков в той мере, в какой пациент управляет ими. Это лингвистическая точка зрения. Исходя из первой точки зрения, но в то же время молчаливо допуская (согласно второй точке зрения), что пациент говорил по-французски, мы пришли к метабазису. Результатом был неверный диагноз. Ничего плохого в том, чтобы посмеяться над психологами, – но разве мы, лингвисты, чем-то лучше? Не виновны ли мы достаточно часто в равно смешном метабазисе?

⁹ Если мы понимаем под г о в о р я щ и м не любой набор существующих говорящих, а "идеализированного говорящего, который знает только один язык – ни больше ни меньше". В этом смысле идеальный г о в о р я щ и й – лишь персонификация я з ы к а (счетное существительное ед. числа).

4.3. Транскрипционный позитивизм

Один из известных примеров этого – то, что Дж. Катфорд назвал "артикуляторными возможностями человека" [12], а позднее "потенциалом звукопродуцирования" [13]. Фактически К. Пайк исчерпывающе описал эти возможности в своем раннем труде [14], и каждый уважающий себя учебник общей фонетики направлен на то же самое [15, 16]. В данном случае категория индукции, примененная к данным, – это *я з ы к*, здесь (абстрактное существительное ед. числа) в своем первом значении. Ясно, что целью является исследование шумов, производимых голосовым трактом, как биологической способности человеческого вида, независимо от какого-либо конкретного языка. А так ли это? Не мотивировано ли исследование в то же время фонемами, встречающимися в многообразии языков? Например, такие звуки, как кашель, отрыгивание и храп, билабиальный дрожащий, приглотальный дрожащий, ларингальный дрожащий, отмечаются в общей фонетике лишь мельком, хотя они явно принадлежат человеческому потенциалу звукопродуцирования. В каком смысле они маргинальны?

Момент, когда метабазис становится вредным, наступает, если мы приравниваем "звуки", производимые потенциалом звукопродуцирования *я з ы к а* [в значении (i)], к дискретным фонетическим сегментам *я з ы к о в* ("аллофонам"), принимая на веру, что каждый аллофон (любого языка) должен в то же время быть одним из (физиологических) звуков (или принадлежать к их классу). Это доктрина ТРАНСКРИПЦИОННОГО ПОЗИТИВИЗМА. Он рассматривает аллофоны не только как лингвистическую абстракцию, но в то же время как физический (или физиологический, психологический – как угодно) феномен. Доводя метабазис до предела, утверждают даже, что аллофоны каждого языка являются подмножеством именно тех "звуков", которые исчерпывающе перечислены в так называемом "международном" фонетическом алфавите:

"Фонетические формы каждого предложения в каждом языке извлечены из этого класса возможных фонетических репрезентаций" [17].

Это положение вовлекает лингвистов в рассмотрение всевозможных и ложных проблем.

4.4. Глухие шумные в испанском

Возьмем известный пример. Поскольку "шумные"¹⁰ можно артикулировать либо как смычные, либо как спиранты, то отсюда заключают, что аллофоны шумных всех языков должны быть либо смычными, либо спирантами. Так ли это? Наиболее ясный контрпример – "звонкие шумные" /β δ ɣ/ в испанском. Когда я слышу испанский, я не могу определить, смычные они или спиранты. Когда я слышу испанцев, говорящих по-французски, мне кажется, что я слышу смычный там, где ожидаю спирант (например, *avec /abek/*), и наоборот (например, *Cerbère /serβer/*). Этот опыт приводит к заключению, что дихотомия смычный–спирант не приложима к этим "звонким шумным". Они – и не "смычные", и не "спиранты".

Естественно, в учебниках можно найти известные правила распределения аллофонов звонких /β δ ɣ/ в испанском. Для моего слухового восприятия все эти правила нереальны – иллюзия, вызванная "злым духом" (см. выше разд. 3.2). А кто является злым духом? Мы сами, допуская изначально, что все шумные должны быть либо смычными, либо фрикативными. Если мы достаточно твердо верим в наше допущение, то вынуждены в конечном счете "открывать" приемлемые правила аллофонного варьирования (см. ниже разд. 7.2).

¹⁰ Мы заключаем различительные признаки, являющиеся лингвистическими абстракциями, в кавычки, чтобы отличить их от измеряемых физических параметров, часто имеющих то же название.

4.5. Шумные в индоевропейском

В качестве примера можно указать на три шумных в реконструкции Т.В. Гамкрелидзе [18]. Они нейтральны к оппозиции "смычный–спирант" и выступают только как "глоттализированные", "глухие" и "звонкие шумные" соответственно:

"глоттализированные"	"глухие"	"звонкие"
<i>p</i>	<i>f</i>	<i>β</i>
<i>t</i>	<i>ɸ</i>	<i>ð</i>
<i>k</i>	<i>x</i>	<i>ɣ</i>

Тогда как серия "глоттализированных шумных" изменяется в "(неглоттализированные глухие) смычные" в германском, серия "глухих" становится маркированной и соответственно выступает в виде "спирантов" (*f*, *ɸ*, *k*), а серия "звонких" остается нейтральной по отношению к оппозиции "смычный–спирант" в протогерманском, как и прежде. Это – не "сдвиг согласных", а перераспределение маркирования. Соответственно в греческом и латинском серия "глоттализированных" была маркирована как "звонкие смычные", а две другие серии сохранили свои различия, став маркированными как "глухие смычные" и "глухие спиранты" соответственно. В славянских и кельтских серия "глоттализированных" слилась с серией "звонких" в "звонкие смычные", маркируя серию "глухих" как "глухие смычные" в этой оппозиции. Как бы то ни было, прежняя нейтральность по отношению к оппозиции "смычный–спирант" в протондоевропейском дожила до сегодняшнего дня как чередование смычных и спирантов (известное как "лениция") в ирландском.

4.6. Гласные в ирландском

Возьмем девять "основных гласных". Ничего нельзя сказать против их важности в качестве эталона при установлении различительных признаков. Трудность в том, что они как физические явления гомогенны от начала до конца. Можно ли считать и гласные реальных языков физически гомогенными? Хорошо известно, что нет. Однако мы привыкли пренебрегать этой гетерогенностью даже для наиболее известных языков и использовать для транскрипции (лингвистических) монофтонгов одну гласную букву, например, в случае /o/ в русском *от*, хотя мы знаем, что физически они гетерогенны.

Слушая ирландский, наблюдатель, привыкший к "узкой" транскрипции, поражается физической гетерогенности гласных. Это происходит потому, что в ирландском существует два класса согласных по тембру, которые типологически аналогичны "твердым" и "мягким" согласным в русском языке. Тембр согласного воздействует на соседние гласные: так, ирландское /i/ звучит сходно с [u] в позиции между двумя твердыми согласными, сходно с [ju] между "мягким" и "твердым", сходно с [ii] между "твердым" и "мягким", с [i] между двумя "мягкими". Фактически в ирландском только два кратких гласных и три (в медленном произношении – пять) долгих гласных и ни одного дифтонга [19]. Это – коммутационный класс гласных в ирландском. Однако пытаясь обнаружить физически гомогенные звуки, наряду с элементами коммутационных классов, каждый исследователь доводит список различных гласных (физически квазигомогенных) ирландского языка до 18 долгих, 23 кратких и множества полифтонгов – это типичный пример *дет'афасис'*а (неудачи в принятии решения). Нужны ли лингвисту функционально нагруженные элементы коммутационных классов? Или ему нужны квазигомогенные основные гласные?

4.7. "Оптимальная форма"

Несовместимость физических "звуков" и лингвистических "аллофонов" приводит нас к общему недоразумению. Когда мы слышим спонтанную речь, нам действительно очень трудно определить в ней цепочку гомогенных "звуков", выделяемых общей фонетикой. Все это известно из опыта. поэтому исследователи

пришли к заключению, что нужно слушать не спонтанную речь, а "оптимальные формы", т.е. отдельные слова, произносимые медленно и отчетливо. При этих обстоятельствах информанты будут, естественно, искажать свою речь, нарочито выделяя гомогенные звуки, т.е. те самые звуки, которые наши транскрипционные навыки (ошибочно) заставляют нас ожидать. Это просто безвыходная ситуация. Фактически мы отрицаем саму наблюдаемость наших эмпирических данных. Какими же мы можем оказаться забавными!

Как мы видели выше в разд. 4.3, здесь сталкиваются два противоположных допущения – одно в терминах человеческого потенциала звукопроизводства, другое в терминах языков (см. ниже разд. 6.2). Ничего удивительного в том, что результат – саморазрушающий. Знакомый набор "Schnellsprechregeln", при помощи которого мы намереемся получить нормальные формы из оптимальных [20], не исправляет положения, так как снова приводит нас к производству нечитательных "узких транскрипций", которые совершенно неадекватно используются для постоянно изменяемых физических явлений в терминах дискретных лингвистических абстракций.

5. ПРОБЛЕМНАЯ ОБЛАСТЬ

5.1. "Психологическая реальность"

Ни один язык не существует без говорящих на нем. Это нам всем известно. Значит ли это, что лингвист должен изучать говорящих, а не языки? И является ли лингвистика, следовательно, разделом психологии? Это то, что нам подсказывает *genius malignus*. Именно такое заключение в настоящее время популярно в западном "главном направлении лингвистики" (*mainstream linguistics*), хотя оно и не ново. Фактически оно было популярно в немецкой лингвистике по крайней мере в течение ста лет. Обратимся к высказываниям лингвистов:

"Психический элемент является наиболее существенным фактором во всяком культурном движении... А психология поэтому представляет собой самое утонченное основание всякой культурологии" [21].

"Язык представляет собой психологический процесс, процесс сознания, в котором находят свое выражение все психические элементы" [22].

"Как самое выдающееся и значительное духовное достижение человека язык можно понять только посредством психологического рассмотрения" [23].

Но действительно ли все это следует отсюда? Можно изменить доказательство: нет ни одного говорящего вне языка, который он усваивает и на котором говорит. Итак, в равной мере можно утверждать, что непосредственным предметом лингвистики является язык, а не говорящий. Поскольку аргументация отрезает оба пути, она по меньшей мере неубедительна.

Рассмотрим аналогичный аргумент для математики. Где существует математика? Естественно, математика существует в сознании математиков (а существует ли она где-нибудь еще?) таким же образом, каким язык существует в сознании своих носителей. Следует ли отсюда, что математик должен изучать не математику, а сознание математиков? Вывод явно абсурден – ни больше ни меньше, чем по отношению к лингвистике. Сходные аргументы могут действительно выдвигаться (и выдвигались) с целью провозгласить зависимость лингвистики от социологии (разве языки не функционируют непременно в пределах языкового сообщества?), от дискурсивного анализа (можно ли наблюдать языки отдельно от дискурса?), от физиологии (можно ли говорить, не используя органы речи?), от неврологии (могут ли языки функционировать отдельно от функционирования нервной системы?), от изучения расстройств мозга (языки "сохраняются" в мозгу говорящих) и еще от чего угодно. Можно расширить список за счет зависимости лингвистики от управления бизнесом (лингвистика лучше развивается в рамках хорошо организованных исследовательских институтов), даже от кулинарии (может ли лингвист работать на голодный желудок, в конце концов?).

Как мы преодолеваем ложную убедительность этого аргумента? Вернемся к прежней дихотомии (см. выше разд. 3.2) между (ненаблюдаемыми) фактами и лингвистическими фактами, созданными на основе взглядов наблюдателя. Все зависимости, отмеченные выше, естественно, приложимы к сфере ненаблюдаемых фактов. Однако как только мы обращаемся к ним, мы ставим проблему *Leitgedanke*, а именно лингвистической индукции. Это наша ПРОБЛЕМНАЯ ОБЛАСТЬ. Остальное мы просто принимаем на веру. Чисто фактически – это реальная, но не наша проблема. Например, когда я исследую классы людей, использующих русское слово *читабельный*, я принимаю без доказательств, что это отдельное русское слово. Иначе у меня даже не будет проблемы для исследования.

В той степени, в которой нам нужно знание других областей, мы рассматриваем его как фактическое (не проблематичное) знание, например, знание физиологии, необходимое, чтобы понять человеческий потенциал звукопроизводства. С другой стороны, есть значительная часть физиологического знания, в котором мы не нуждаемся. Для фолиатриста, например, голосовой тракт каждого говорящего имеет свои индивидуальные особенности. Покойный фолиатрист К. Холм, а с помощью стробоскопа по их индивидуальным голосовым аппаратам. Наблюдение это замечательно, но лингвистическое ли это наблюдение? Какими бы ни были индивидуальные особенности, они не влияют на способность говорящего усваивать языки¹¹. Это мы знаем из опыта. Популярная идея, что, скажем, китайцы рождаются со специальным неврологическим приспособлением, позволяющим им овладеть тонами, эмпирически опровергается тем фактом, что некоторые говорящие не китайцы тоже овладевают ими. Как лингвист-практик я считаю все эти индивидуальные психоневрологические особенности не более чем случайными по отношению к своим проблемам. Подобно этому мы знаем, что на языке говорят их носители, что языки функционируют в языковых сообществах, что они наблюдаемы только в виде дискурса, что нарушение нервной системы воздействует на владение языками (как при афазии) или на способность артикулировать звуки (как при дисартрии): "... Лингвист, поставленный перед многообразием языковых структур, берет все это в качестве предпосылки, не обращаясь при этом к разным языкам и не проводя дифференциации. Это понятие категориальности не соответствует, правда, понятию кантовской категории, но в то же время является применимым в теории познания. Кант проводил различие между *quaestio juris* и *quaestio facti*, последний из которых как психологическая реальность относится к условиям не только физического, но и математического знания: математическое суждение приобретает справедливость и правомерность не только потому, что оно существует в мысли, но и потому, что имеются все основания для того, чтобы оно обязательно существовало в мысли. Поэтому науки образуют пучок сменяющих друг друга предпосылок, не утрачивая при этом разницы в своих целях и методах" [24, с. 122].

Если бы было неправомерно изучать одну проблемную область, трактуя как случайные ее фактуальные зависимости от множества других областей (ее "экологии")¹², тогда заниматься наукой было бы невозможно. Действительно, все в мире зависит от всего остального. Время от времени кто-нибудь замечает фактическую зависимость областей $d_2 \dots d_n$ от областей d_1 , заключая (на основе метабазиса – от фактуальной области к проблемной), что d_1 есть "основание" для всех остальных областей и, следовательно, имеет примат над всеми другими областями.

¹¹ Индивидуальные особенности, влияющие на эту способность, рассматриваются фолиатристом как патологические: например, расщелина неба или ларингальная инфекция.

¹² Термин предложен Эд. Васиком для обозначения всех тех необходимых условий, которые не являются специфически лингвистической областью.

все области науки предполагают язык (абстрактное существительное ед. числа), поскольку ученые общаются друг с другом, используя язык [в значении (ii)]. Следовательно, лингвистика ("наука о языке") есть основание для всех других дисциплин. А так ли это? ... За время моей жизни этот вид доказательства использовался с целью провозгласить последовательно примат философии, литературоведения, марксизма-ленинизма, образования, лингвистики, социологии, психологии и, совсем недавно, компьютерных наук. Утешительно осознавать, как быстро меняются наши "основания", — как любая проходящая мода.

6. ЛИНГВИСТИКА VS. ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ

6.1. Замкнутый текст

Мы только что установили (в разд. 5.1), что лингвистика и дискурсивный анализ — две различные проблемные области. Действительно, они используют противоречивые посылки в качестве своих *Leitgedanken*. Лингвист постулирует незамкнутый текст, анализатор дискурса постулирует замкнутый текст (речевой акт, сообщение и т.п.). Лингвист постулирует языки (счетное существительное мн. числа), анализатор дискурса постулирует язык [абстрактное существительное ед. числа в значении (ii)], такой, например, как язык лжи [25] или язык разумного общения [26]. Отдельный язык (счетное существительное ед. числа), в котором все это выражается, для него лишь нечто побочное. Он вне пределов его проблемной области, да и почему собственно должно быть иначе?

Такой способ разделения лингвистики и дискурсивного анализа удивит многих читателей, поскольку дискурсивный анализ везде рассматривается как раздел лингвистики, имеющий дело с единицами, большими, чем предложение. Имплиcitный метабазис, как нам представляется, нанес вред и лингвистике, и дискурсивному анализу [27, с. 68–85]. Замкнутый текст как конституирующий постулат объединяет дискурсивный анализ не с лингвистикой, а с традиционным литературоведением (см. разд. 3.4). Литературоведение традиционно занимается подмножеством замкнутых текстов, известных как "*belles lettres*", тогда как дискурсивный анализ рассматривает в принципе любой замкнутый текст. Литературоведение, рассмотренное под этим углом, представляет собой раздел дискурсивного анализа. Многие лингвисты также используют дискурсивный анализ. Однако исследователь заходит в тупик, когда он смешивает соответствующие постулаты.

6.2. Единицы лингвистики

Лингвист, слушая дискурс (в принципе неограниченной протяженности, см. разд. 1.3), старается уловить воспроизводимый (рекурсивный) материал. Слушая неизвестный язык, мы сначала не опознаем нечто "уже слышанное" (воспроизводимое) или "еще не слышанное" (новое), но воспринимаем только беспорядочный шум. Требуется время, т.е. процесс обучения, чтобы опознать нечто либо как "воспроизводимое", либо как "новое". Это узнавание есть начало лингвистической компетенции. После дополнительного обучения мы опознаем все, что слышим, или как "воспроизводимое", или как "новое". Фактически все, что мы слышим, является чем-то уже слышанным. Это значит, что мы характеризуем все, что слышим, и как идентичное с чем-то еще (воспроизводимое), и как отличное от чего-то (противопоставленное ему). Это — вторая ступень лингвистической компетенции. Третья ступень — категоризация того, что мы воспринимаем (т.е. дискретных лингвистических объектов), в такие парадигмы (см. разд. 2.2), как коммутационные классы и тактические (синтагматические) единицы. Дискретность наших лингвистических объектов — не физическая, но определяется их опознанием как одновременно и "идентичных" (чему-то еще), и "отличных от" (чего-то еще).

Основная ошибка транскрипционного позитивизма (см. разд. 4.3) заключается в

простодушной вере в то, что мы знаем заранее все дискретные фонетические единицы из "универсальной" транскрипции, а все синтаксические единицы – из универсальной грамматики. Так начнем сразу без процесса обучения! Квазибожественная первонаука дает нам заранее все возможные лингвистические факты, поэтому нам даже не надо изучать языки, чтобы их знать. Конечно, чувство квазибожественного приятно. И все же остается неопровержимым фактом то, что мы должны учиться распознавать материал как воспроизведенный или новый (т.е. как лингвистический) в каждом новом языке.

Воспроизводимый материал может быть, как допускают лингвисты, изучен посредством языков [в значении (i)] и распределен по конечному числу парадигм (коммутационных классов, морфологических парадигм, синтагм и т.д., см. разд. 2.2). Это по крайней мере то, что лингвист определяет как язык (см. ниже разд. 7.1), в связи с чем необходимо принять во внимание следующие высказывания:

"К условиям фонометрических исследований языков относится различимость сегментов. Эта различимость является предпосылкой для подсчета сегментов и для всех форм измерения признаков отдельных сегментов. Другим условием фонометрии является возможность распределения различных сегментов по конечному числу различных классов" [24, с. 119].

Этот постулат приложим, в нашем понимании, не только к фонетическим, но и к всем лингвистическим объектам¹³. Следует все же добавить постулат полноты, сформулированный Л. Ельмслевом в рамках его "эмпирического принципа":

"... Описание должно быть логичным, исчерпывающим и как можно более простым" [3, с. 12].

Этот постулат переформулирован Я. Мульдером как одно из условий дескриптивной адекватности:

"Цель лингвистического описания – объяснить все релевантные явления в пределах избранной области" [2, с. 19] (разрядка моя. – П.Г.).

Практически это значит, что любой отрезок дискурса должен быть исчерпывающе разложен на дискретные, воспроизводимые единицы (акцент на и с ч е р п ы в а ю щ е). Например, если мы принимаем традиционное предложение в качестве базисного лингвистического объекта, то мы должны быть в состоянии исчерпывающе разложить любой отрезок дискурса на последовательность законченных предложений. Все мы хорошо знаем, что это допущение "прямо опровергается" эмпирическими феноменами (ср. цитату из Мульдера в начале статьи). Постулированная исчерпываемость определяет в то же время границу между воспроизводимыми (рекурсивными) лингвистическими единицами, такими, как фонема и синтагма, с одной стороны, и воспроизводимыми единицами дискурса, такими, как антитеза и повтор, – с другой. Лишь немногие замкнутые тексты исчерпывающе разложимы на риторические тропы, такие, как антитеза и повтор, поскольку мы не говорим все время тропами. В то же время нельзя выделить конечный набор тропов (или других единиц дискурса), подобно конечному набору синтагм и фонем каждого данного языка. Тропы не специфичны для отдельного языка, а синтагмы специфичны. Мы исходим из того, что каждый отрезок текста обладает синтаксической структурой (это именно то, что утверждает эмпирический принцип), – или наш синтаксис недостаточно хорош.

6.3. Единицы дискурса

Граница между лингвистикой и дискурсивным анализом условно определяется в терминах размера единиц. Например, "предложение" европейской научной традиции было воспринято трансформационной грамматикой¹⁴ как максимальная единица

¹³ Имеются в виду лингвистические единицы любого размера, а не только минимальные, принимая как данное то, что единица является лингвистической на основании как парадигматических, так и синтагматических отношений, в которые она вступает [28, с. 210–234].

¹⁴ Ср.: "Я буду считать языком набор (конечный или бесконечный) предложений... все естественные языки в своей устной или письменной форме являются языками в этом смысле" [29].

лингвистики, все, что находится за пределами предложения, было отнесено к области дискурсивного анализа. Разграничительная линия мотивирована единственно культурной традицией, в особенности традиционным интересом европейской логики к пропозициям, выражением которых считалось предложение. Те исследователи дискурса, которые не признавали иной лингвистики, кроме трансформационной грамматики, естественно, стремились определить свою область как "грамматику дискурса" в отличие от "грамматики предложения".

Мы предлагаем разграничительную линию, базирующуюся не на размерах единиц (которая обязательно будет условной, т.е. без какой-либо эмпирической мотивации), но на соответствующих предпосылках (незамкнутый vs. замкнутый текст) и целях [анализ отдельного языка vs. анализ языкового (i) "дискурса"]. Рассмотрим несколько простых примеров.

6.4. Значение

Слово *intelligent* в английском лексиконе значит "способный к логическому мышлению". Это лексическое значение. В каком-то данном тексте оно может значить "unintelligent" (как в *This was a very intelligent remark* "Это было очень умное замечание"). Это пример ИРОНИИ как дискурсивного значения. Если лексикограф попытается включить в словарь не только лексические, но и дискурсивные значения, то он расширит объем словаря до невозможных – даже до бесконечных – размеров, поскольку дискурсивные значения не могут быть исчерпывающе перечислены. Каждое слово может "значить" почти что угодно в каком-либо данном контексте. Как раз это Шалтай-Болтай и говорил Алисе: "Когда я употребляю слово... оно значит то, что мне хочется"¹⁵ [30, с. 296].

Из этого примера видно, что даже отдельные слова (естественно, меньшие, чем "предложения") могут рассматриваться либо как единицы лингвистики, либо как единицы дискурса. В самом деле, разница между ними составляет самый предмет риторики. Исследователь дискурса, естественно, принимает лексическое значение как данное, заостряя внимание на этой разнице как своей проблемной области.

6.5. Тематическое употребление

Когда мы говорим, что в данном языке существует "вид глагола" (например, в славянских языках или в английском), это значит, что каждый (или почти каждый) глагол в незамкнутом тексте является глаголом совершенного или несовершенного вида. "Употребление" этих форм, т.е. то, что эти формы "значат" в тексте, – совсем другой вопрос. Мы отвечаем на него, устанавливая открытый набор "тематических употреблений", – так же, как мы устанавливаем открытый набор *topoi* в дискурсивном анализе: например, английский имперфектив со значением будущего времени типа *she's sailing tomorrow*, русский совершенный вид в дистрибутивном, описательном "значении":

"Досветлѣ все у него пляшет,
Лодьядѣ запряжет, полюсу вспашет,
Печь затопит, все заготовит, закупит,
Ячѣчко испечет, да сам и облупит" [31].

Нет возможности обнаружить набор "грамматических правил", которые исчерпывающе устанавливали бы употребление, поскольку это вопрос не лингвистики, а дискурсивного анализа! Именно поэтому поиск таких грамматических правил оказался столь безрезультатным. Этих правил не существует.

¹⁵ Грэйс проводит сходное разграничение между тем, что говорящий сообщает (т.е. лексическим значением), и тем, что он имплицитует (дискурсивным значением) [26, с. 43–45].

6.6. Предложение

Рассмотрим пример того, что в риторике известно как паратаксис и анафора (мы добавили интонационную транскрипцию, так как именно интонация способствует созданию единого "предложения"):

"С ²первого щелчка
Прыгнул поп до потолка¹;
Со ³второго щелчка
Лишился поп языка¹;
А с ³третьего щелчка
Вышибло ⁵ум у старика"¹⁶ [31, с. 82–87].

Сколько предложений в этом примере? Обычно грамматистов смущает этот вопрос. Они ориентируются на типографское разбиение: если стоит точка, это конец предложения, если стоит запятая, то – нет. А если принимается компромисс постановкой точки с запятой (как в приведенном выше примере)? Тогда даже отчаянный призыв к типографу оказывается бессмысленным. Является ли то предложение, которое мы ищем, комплексом синтаксически взаимосвязанных единиц? Тогда приведенный выше пример содержит три "предложения", разделенных точкой с запятой. Или это произвольная лингвистически самодостаточная единица? Тогда приведенный выше пример содержит только одно предложение, разделенное на три части. Они взаимосвязаны синтаксическим параллелизмом, анафорой (включая последовательность рекуррентных порядковых числительных) и интонацией. Ни одна из этих связей не является синтаксической зависимостью. Последняя существует только внутри каждой отдельной части предложения (clause). То, что мы определяем как "взаимную связь", – это обобщение того, что Я. Мульдер обозначает как "прямые отношения" [2, с. 453].

Синтагмы, связанные паратаксисом, представляют собой дискретные воспроизводимые единицы (хотя и не взаимосвязанные синтаксически). Следовательно, паратаксис – один из способов "прямого, асинтаксического отношения", существующего внутри лингвистически самодостаточных единиц. Заслуживает внимания то, что любой (устный) английский текст может быть полностью разложен на предложения мульдеровского распределения [32]. То же, возможно, верно и по отношению ко всем русским народным жанрам, таким, как народная сказка или былины. "Предложение" Мульдера, таким образом, служит посылкой исчерпывающей разложимости (см. разд. 6.2) в противоположность "предложению" традиционной грамматики. Это, вероятно, наибольшая единица, в терминах которой действует такая исчерпывающая спецификация, и, следовательно, максимальная лингвистическая единица (обычно или больше или меньше "предложения" традиционной грамматики). В то же время нелингвистические отношения дискурса действуют в пределах предложения так же, как и вне его. Разница в точке зрения, не в размерах единиц.

Структура предложения (в терминах Мульдера) специфична для каждого языка. Английская синтагма никогда не "идентична" русской (это не исключает типологического изоморфизма, см. ниже разд. 7.3), поскольку обе зависят, с точки зрения своей спецификации, от различного дискурсивного материала. Структура дискурса, с другой стороны, специфична для текстов (но не для языков). Она должна быть

¹⁶ Интонационная транскрипция чтения В. Качалова, записанного на пластинку фирмой "Мелодия" (Санкт-Петербург). Мы передаем данные согласно интонационному анализу Е.А. Брызгуновой. Цифры обозначают "интонационную конструкцию". Каждая стиховая строка соответствует ровно одной "интонационной конструкции".

"энтимной" в русском тексте и его английском переводе – ср., например, последовательность: общее утверждение ("*работает за семерых*") vs. дистрибутивная спецификация ("*лошадь запряжет...*").

7. ЯЗЫКОВЫЕ УНИВЕРСАЛИИ

7.1. Категории лингвистики

Итак, мы проанализировали два значения *языка* (абстрактное существительное ед. числа): (i) "человеческая способность усваивать языки", (ii) "дискурс". Осталось третье современное значение, а именно (iii) "категории лингвистики". Именно в этом третьем значении *общее языкознание* изучает *язык* как "род", а именно (iii) "категории лингвистики", рассматриваемые с эпистемологической точки зрения¹⁷, что отражено в языковых универсалиях. Речь идет о "постулатах лингвистов о всех языках", включая "процедурные условия, принимаемые лингвистами для категоризации лингвистических фактов". Поскольку *язык* как "род" не существует отдельно от постулатов общего языкознания, эти постулаты (мотивированные эмпирически) и *язык* как "род" оказываются одним и тем же.

Возьмем для примера современное определение: "Язык – это система коммуникации, такая, что ..." [33, с. 1]. Когда мы сталкиваемся с объектом, к которому данное определение не приложимо, примем ли мы это как язык? Если да, то мы должны пересмотреть постулат. Как бы мы ни пересматривали его, мы фактически нуждаемся в каком-то определении, чтобы "создать" объект исследования (см. разд. 3.4). Альтернативы нет.

"Языковые универсалии" в полном смысле в таком случае являются теми свойствами, которые лингвист постулирует в качестве обязательного условия определения любого объекта как языка¹⁷. Это аналитические, а не синтетические суждения в кантовском смысле [9, с. 33–36]. Например, языки, по определению, имеют двойственную структуру: меризматический и смысловой уровни ("*les deux articulations linguistiques*") [34, с. 17–19]; на языках говорят при помощи речевой артикуляции, используя человеческий потенциал звукопродуцирования (см. разд. 4.3), языки являются средством коммуникации (следовательно, "идиолекты" не являются языками), возможен перевод с одного на другой (следовательно, ничего нельзя установить посредством языка, на которые переводят, о языке, с которого переводят; например, ничего нельзя заключить об "аспекте" немецких глаголов из их перевода на русский).

Отдельно от основных определений того, что конституирует язык, существуют "универсальные" процедурные правила. Например, в чем разница между дифтонгами *i* и *u*, с одной стороны, и последовательностью "гласный плюс /j/ или /w/, с другой? Естественно, разница не в физиологической реализации нем. /ai/ в *Mai* vs. русск. /aj/ в *май*, нем. /au/ в *Faust* vs. русск. /aw/ в *Фауст*. Разница в наших процедурных правилах. Мы условно категоризируем дифтонги *i* и *u*, если (и только если) в инвентаре существует меньше последовательностей "гласный плюс *i*" и "гласный плюс *u*", чем "гласный плюс конечный согласный". Например, в немецком только два *i*-дифтонга – /ai/, /oi/ (как в *Beine, Bäume*), один *u*-дифтонг – /au/ (как в *Faust*). Русский, напротив, объединяет любой гласный с /j/, например, /aj/ в *май*, /oj/ в *войн*, /uj/ в *буйный*, /ej/ в *лейте*, /ij/ в *первый*. Комбинации с /w/ более редки и ограничены научными заимствованиями. Они, однако не ограничены фонотактически. Правда, в русском существует оппозиция между сочетаниями "гласный плюс /j/" и "гласный плюс /i/".

¹⁷ Не может быть "категорий языка", отличных от "категорий лингвистики", и наоборот. Это следует из нашего прежнего допущения, что языки – не позитивистские "факты", а категории лингвистики. Следовательно, "языковые факты" и "лингвистические факты" суть одно и то же. Именно в этом смысле *язык* (iii) является синонимом *лингвистики*.

(как в *войн* ≠ *воин*), но последнее сочетание характеризуется как гетеросиллабическое, а не дифтонгическое, опять-таки потому, что любой русский гласный объединяется с любым другим в гетеросиллабическую единицу – здесь нет никаких фонотактических ограничений. Следовательно, дескриптивное утверждение, что в русском нет дифтонгов, а в немецком они есть, относится не к "артикуляторным способностям человека", а к процедурным условностям лингвистики. Разница между русским /aj/ и немецким /ai/ вовсе не исчерпывается тем, что могли бы обнаружить достаточно усовершенствованные спектрограф или рентгеновский фильм.

7.2. Квазиязыки

Практически всегда есть пограничные единицы, которые удовлетворяют всем этим условиям минус одно. Назовем их "квазиязыками". В этой связи можно указать, например, на парадигму из семи строго очерченных тональных фигур, проанализированную Г. Конопчинской во французском языке детей¹⁸. Это дискретные, воспроизводимые единицы. Любой текст во французском языке детей, может, по-видимому, быть исчерпывающе поделен на эти тональные фигуры. Все же этот детский язык не является языком, так как ему недостает "les deux articulations linguistiques". Его единицы обнаруживают и различительные признаки, и значения одновременно, и поэтому сомнительно, представляет ли он собой хотя бы рудиментарный "французский" в лингвистическом смысле.

Все ли языки обладают словами? Китайский – один из тех языков, в котором, по нашему мнению, их нет. По крайней мере, единицы китайского словаря и их эквиваленты в китайских текстах не удовлетворяют нашему представлению о "словах". Должны ли мы, исходя из этого, отказаться считать китайский языком? Скорее, мы откажемся от постулата, что все языки имеют слова. Есть, конечно, и третий вариант. Мы можем в процессе анализа трансформировать китайский, расширяя условности за счет эмпирической мотивации (см. разд. 3.2), пока получим "слова", которые нам нужны, по крайней мере нечто, могущее быть передано европейскими словами, например, такие "сложные" "слова", как *té kió* "Германия". Раньше лингвисты использовали "универсальную" грамматику латинского таким образом, теперь используют "универсальную" грамматику английского. Если мы непреклонно настроены находить наши универсалии в каждом языке, мы без сомнения будем универсально удачливы – можно указать хотя бы аллофонные правила для глухих шумных в испанском (см. разд. 4.4). Этот "успех", нам кажется, скорее обнаруживает нашу непреклонность, чем эмпирические особенности всех языков. Другими словами, это все еще аналитическая истина в кантианском смысле, но не синтетическая.

7.3. Модели типологии

Слово "универсалия" используется и в типологическом смысле, а именно (ii) "особенности, которые лингвист обнаруживает не только в одном языке, но в группе из нескольких языков" [35, с. 5]. Например, одна группа языков имеет структуру слога SVC, другая CV (но не CVC), но нет известных языков, имеющих VC, но одновременно с этим не имеющих CVC. Когда мы реконструируем ранние стадии языка (такого, как протоиндоевропейский), мы ставим целью получить известный тип структуры. Долгое время он является одним из тех языков, которые анализируют согласно "универсальным" процедурным условностям. Именно это было основным аргументом теории Гамкрелидзе – Иванова в пользу их новой реконструкции консонантных корреляций в протоиндоевропейском [18, гл. 1]. Наши процедурные условности, естественно, не допустили бы протоиндоевропейскую консонантную

¹⁸ Сообщение, представленное на Международный симпозиум по интонации во Фрайбурге 2 июля 1991 г. Материалы встречи будут опубликованы в серии "Scriptoralia" (Tübingen: Günther Narr).

систему Бругмана в живом языке. По крайней мере его "звонкие аспираты" рассматривались бы как "аффрикаты" или "спиранты", его "глухость" как "аспирация". Поэтому система Бругмана была бы реинтерпретирована в терминах различительных признаков следующим образом:

Оригинал Бругмана			Реинтерпретация		
<i>b</i>	<i>p</i>	<i>bh</i>	<i>p</i>	<i>ph</i>	<i>pf</i>
<i>d</i>	<i>t</i>	<i>dh</i>	<i>t</i>	<i>th</i>	<i>ts</i>
<i>g</i>	<i>k</i>	<i>gh</i>	<i>k</i>	<i>kh</i>	<i>kχ</i>

Помимо (эксплицитных или имплицитных) постулатов "общей лингвистики" мы едва располагаем эмпирическими основаниями, дающими возможность утверждать, что структурный тип, с которым мы еще не встречались, вообще не может существовать. В действительности, всегда такие заявления часто можно опровергнуть, указывая на языки, где такой тип существует [36, с. 245–249]. Нет и эмпирических оснований утверждать, что данная типологическая модель "универсальна" в том смысле, что все языки должны удовлетворять подтипам, предусматриваемым моделью (например, "все языки имеют слоги по крайней мере одного из трех типов CVC, CV, VC"). А как обстоит дело в китайском? По крайней мере китайские фонетисты в своем анализе не используют ни одного из этих типов слогов. Должны ли все языки иметь слоги и почему? Как насчет английского? Сколько слогов в слове *naturally* /nætʃli/? Два? Или четыре? Мы заключаем, что английский в отличие от немецкого и испанского – не "слоговой язык" [37, с. 88–90].

Приводить контрпримеры забавно, но это вскоре наскучивает. Если мы произведем достаточно тщательное исследование, то в конечном итоге обязательно найдем их. Как часто мы слышим утверждения, что "все языки" должны, скажем, иметь существительные и глаголы, поскольку это подсказывает индивидуальная интуиция? И потому еще, что многие лингвисты, привыкшие к традиционной европейской грамматике, с ним согласны. Но это не более, чем "тезисы, дающие общее объяснение" (см. разд. 1). Дело в том, что те, кто это предлагает, не любят заглядывать слишком далеко. При споре обычно удовлетворяются тем, что говорят о возможности использования существительных и глаголов в английском переводе. Это, может быть, и так, но как мы видели выше (см. разд. 7.1), нельзя делать никакого заключения о языке-источнике на основании языка перевода. Такие заявления слишком истерты и догматичны, чтобы их стоило опровергать.

8. ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА

8.1. Интергративная лингвистика (hyphenated linguistics)

Если лингвист признает не только "язык" как данное, но даже говорящих и языковое сообщество как социальную структуру (см. разд. 5.2), то каков статус психолингвистики, социолингвистики, патолингвистики, этнолингвистики и дисциплин, имеющих составные (hyphenated) названия? Обычно языки признаются как данное, причем внимание концентрируется на других проблемных областях, например, на говорящем и слушающем (психология), на социальной стратификации (социология), на болезнях (патология). Мы не видим в этом ничего плохого при условии, что нам удастся избежать ловушек метабазиса.

Очевидно, можно проделать обратную операцию с составными названиями, т.е. принять психологию и т.д. как данное и сосредоточиться на лингвистических проблемах. Например, если у меня только один информант какого-либо редкого языка¹⁹, то я неизбежно столкнусь с его реакциями на дихотомию "говорящий – слушающий", т.е. с его "идиолектом", во многих случаях я могу оказаться не в состоянии

¹⁹ Изучение редких языков часто обозначается как этнолингвистика. Кажется, что это значит не более, чем изучение языка, которое предположительно могло бы быть средством (хотя не проблемной областью) этнологического исследования

определить, что в его речи является идиосинкратическим ("идиолектным"), а не лингвистическим. Как лингвист я использую индуктивное обобщение этого идиолекта, чтобы сделать заключение о характере языка, насколько я могу. Обобщение должно быть, конечно, проверено, как только это будет возможно.

Можно также изучать лингвистическую структуру определенного "социолекта", принимая его социологию как данное. Например, можно изучать "выпадение *h*" в социолектах низших слоев общества Англии. Нас тогда не будет интересовать то наблюдение, что многие говорящие из простонародья используют *h* в противовес социальным ожиданиям, тогда как некоторые представители "высшего общества" (даже некоторые министры Ее Величества) известны тем, что опускают его. На практике многие лингвистические особенности, провозглашенные "социолектами", обычно распространены в языке, но не отмечены в грамматиках "языка". Например, использование *gonna* как префикса будущего времени в английском, игнорирование чередования фрикативных с союзом *and* "и, с" в валлийском. Такие ошибки, к сожалению, способствуют низкой оценке, с которой относятся к интегративной лингвистике.

Противопоставление модных терминов-метафор "hard linguistics" ("core linguistics" [39] vs. "soft linguistics") ("жесткая лингвистика" vs. "нежесткая лингвистика") [38] отражает те же сомнения. Это плачевно, потому что "реальная речь", используемая всеми социальными классами (скорее, чем искусственные примеры, приводимые в престижных грамматиках), является, разумеется, истинным полем лингвистического наблюдения, даже если она носит престижное интегративное название.

8.2. "Приложимая лингвистика"

Еще более вредна, по нашему мнению, популярная дихотомия между "эмпирически ориентированной" и "теоретически ориентированной" лингвистикой. Она возникла как протест против теоретической ориентации "общей лингвистики", особенно против тех "общих лингвистов", которые считают своей задачей изобретать блестящие идеи о "языке", а задачей других – "применять" их к языкам. По контрасту представители интегративной лингвистики любят рассматривать себя в качестве "эмпирически ориентированных" или "прикладных". Они широко прибегают к психологическим и социологическим методам сбора и обработки данных, которые не всегда полезны в лингвистическом анализе (см. разд. 1.2). Сам эпитет "эмпирический" широко понимается как обозначающий только такие методы; все другие способы сбора данных пренебрежительно рассматриваются как "анекдотические".

Ни та ни другая ориентация не могут быть признаны самодостаточными. Почему бы взамен не попробовать "приложимую" лингвистику? Известно, что приехавший по обмену иностранный студент, прибыв в Париж, выразил профессору А. Мартине свое желание изучать "приложимую (applicable) лингвистику". Рассказывают, что Мартине кратко ответил: "Изучайте приложимую (applicable) лингвистику!"²⁰. В самом деле, "жесткая лингвистика" ("core linguistics") оказалась прекрасно приложимой ко многим практическим сферам – к обучению языку, переводу, языковой патологии, психиатрии, телекоммуникации, редактированию текстов, организации туристических поездок, криминальному расследованию, различным проблемам внешней и внутренней политики (например, к содействию развития так называемых малых языков, к изучению лингвистических аспектов беспорядков в Югославии, Курдистане, Молдавии и т.д.). Неосведомленность широкой публики (включая средства массовой информации) в этих областях потрясающая. Они заслуживают внимания лучших умов. Проблема в том, что "прикладная лингвистика" опять приобрела репутацию "нежесткой" (soft), став

²⁰ А. Мартине не вспомнил этого случая, когда я спросил его об этом много лет назад. Тем не менее история показательна.

"оправданием" для тех, кто находит реальные языки слишком "жесткими" (hard) для себя. В конечном итоге лингвистика должна доказать свою значимость не только в "чистом знании" о разных языках, но также и в ее применимости ко всем указанным практическим проблемам. Специальное знание лингвиста действительно приложимо везде, где практически проблемы реально зависят (см. разд. 5.2) от языков (счетное существительное мн. числа).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Zwirner E. Sprachen und Sprache // Festschrift Roman Jakobson. The Hague, 1967. P. 2452.
2. Mulder J.W.F., Hervey S.G.J. The strategy of linguistics. Edinburgh, 1980.
3. Hjelmslev L. Omkring sprogteoriens grundlæggelse. København, 1966.
4. Saussure F. Cours de linguistique générale. 4-me éd. P., 1949.
5. Ungeheuer G. Über wissenschaftliches Arbeiten und Wissenschaft am Beispiel linguistischer Disziplinen // Theorie und Empirie in der Sprachforschung. Festschrift Eberhard Zwirner / Hrsg. von Pilch H., Richter H. Basel, 1970.
6. Pilch H. The synchrony-diachrony division in word-formation // Historical semantics / Historical word-formation / Ed. by Fisiak J. B., 1985.
7. Marchand H. The categories and types of present-day English word-formation. 2-nd ed. München, 1969.
8. Descartes R. Meditationes de prima philosophia / Ed. Adam Ch., Tannery P. V. 7. P., 1904.
9. Kant E. Kritik der reinen Vernunft // Kants gesammelte Schriften. III. B., 1911.
10. Pike K.L. Linguistic concepts: An introduction to tagmemics. Lincoln (Nebr.), 1982.
11. Pilch H. Zwirners Theorie der Experimentalphonetik, Gedächtniskolloquium Eberhard Zwirner / Hrsg. von Bluhme H. Tübingen, 1988.
12. Manual of phonetics. 2-nd ed. / Ed. by Malmberg B. Amsterdam, 1968.
13. Fundamental problems in phonetics. Preface. Edinburgh, 1977.
14. Pike K. Phonetics. Ann Arbor, 1943.
15. Зиндер Л.П. Общая фонетика. М., 1960.
16. Kloster-Jensen M. Språklære. Ch. 2. Bergen; Oslo, 1964.
17. Chomsky N., Halle M. The sound pattern of English. N.Y., 1968.
18. Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984.
19. Pilch H. Unterscheidbarkeit in der irischen Phonetik // Festschrift Geróid Mc Eoin Hrsg. von Tristram H. Hamburg, 1990.
20. Dressler W. Phonologische Schnellsprecheregeln in der Wiener Umgansprache // Wiener linguistische Gazette. 1972. 1.
21. Paul H. Prinzipien der Sprachgeschichte. Halle a.Saale, 1880.
22. Deutschbein M. System der neuenglischen Syntax. Cöthen, 1917.
23. Arnold G.E. Die Sprache und ihre Störungen. Bd 2, Wien, 1970.
24. Zwirner E.; Zwirner K. Grundfragen der phonometrischen Linguistik. 3-te Aufl. Basel, 1982.
25. Weinrich H. Linguistik der Lüge. 4-te Aufl. Heidelberg, 1970.
26. Grice H.P. Logic and conversation // Syntax and semantics. V. 3 : Speech acts / Ed. by Cole P., J.L. Morgan. N.Y., L., 1975.
27. Pilch H. Textinterpretation und Textlinguistik. Festschrift Alfred Rammelmeyer / Hrsg. von Rothe H., Harder H.B., Köln; Wien, 1988.
28. Hockett Ch. Two models of grammatical description // Word. 1954. V. 10.
29. Chomsky N. Syntactic structures. The Hague, 1957.
30. The annotated Alice / Ed. by Gardner M. N.Y., 1970.
31. Пушкин А.С. Сказка о попе и работнике его Балде // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10-ти т. Т. 4. М., 1977.
32. Pilch H. English sentential structure. Freiburg-i.Br., 1989.
33. Hammarström G. Linguistics units and items. B., 1976. P. 1.
34. Martinet A. Éléments de linguistique générale. P., 1960.
35. Ярицева В.Н. Универсалии и типологические исследования. М., 1974.
36. Pilch H. Basel German : A challenge to phonemic typology // Festschrift H.J. Seiler / Ed. by Brettschneider G., Lehmann Chr. Tübingen, 1980.
37. Pilch H. Manual of English phonetics. München, 1992.
38. Mulder J.W.F. Foundations of axiomatic linguistics. B., 1989.

Перевод с английского